

УДК 94(37).08
DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354
Оригинальное исследование

Принципы передачи императорской власти в позднеантичном обществе

Гудков Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Аннотация: в данной статье рассматривается династическая политика и принципы передачи императорской власти в Римской империи в IV–V вв. н. э. На конкретных исторических примерах показаны механизмы передачи власти, политические институты, принимающие участие в утверждении на трон нового императора. В статье проанализированы восемь различных способов передачи императорской власти, начиная с эпохи принципата: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором варварским королём или могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии. Результатом исследования является вывод о доминирующем характере передачи императорской власти по кровнородственному принципу на протяжении большей части истории Римской империи.

Ключевые слова: власть, император, империя, династия, узурпация

Для цитирования: Гудков Н.А. 2023. Принципы передачи императорской власти в позднеантичном обществе. *Via in tempore. История. Политология*, 50 (2): 344–354. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354

Principles of the Transfer of Imperial Power in Late Antique Society

Nikita A. Gudkov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: gudkovnikita1996@mail.ru

Abstract. This article discusses the dynastic policy and principles of the transfer of imperial power in the Roman Empire in the 4th–5th centuries. A.D. Specific historical examples show the mechanisms for the transfer of power, political institutions that take part in the approval of the new emperor to the throne. The article analyzes eight different ways of transferring imperial power, starting from the era of the principate: 1) dynastic transfer of power according to the consanguineous model; 2) co-government; 3) co-optation to power on the basis of personal merit, «selection of the best»; 4) selection and approval of the emperor by the senate (candidate senate); 5) rebellion and rebellion of individual legions and military formations and their nomination of the emperor, usurpation of power; 6) adoption; 7) appointment as emperor by a barbarian king or a powerful *magister militum* or patrician; 8) marriage with a representative of the imperial family. The result of the study is the conclusion about the dominant nature of the transfer of imperial power according to the consanguineous principle throughout most of the history of the Roman Empire.

Keywords: power, emperor, empire, dynasty, usurpation

For citation: Gudkov N.A. 2023. Principles of the Transfer of Imperial Power in Late Antique Society. *Via in tempore. History and political science*, 50 (2): 344–354 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-2-344-354

Введение

После установления Римской империи в 27 г. до н. э. вплоть до падения Западной Римской империи политический режим претерпевал постепенные, но характерные изменения. Эволюционировала и императорская власть. Изначально император был лишь «*princeps*», «первый среди равных». Начиная с IV в. н. э., после бурного и богатого на восстания и узурпации III в. н. э., характер императорской власти диаметрально изменился. Теперь роль верховного управителя играл не наиболее удачливый военачальник и не «первый среди равных» сенаторов, но «*dominus*», «господин», фактически абсолютный монарх, хоть и ограниченный законом, но при этом обладающий огромной властью.

По истории проблемы трансформации политического режима Римской империи написано много исследований. В рамках данной статьи нас интересует лишь то, каким образом императорам на протяжении пяти веков удавалось обеспечить преемственность обладания высшей политической властью и на каких принципах строилась передача этой власти от одного императора к другому. В конечном итоге какие способы избрания и назначения императора присутствовали в римской истории, в частности в период поздней античности.

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования выступает политическая система Римской империи, при этом акцент сделан на позднеимперский период. Определение политических институтов, принимающих участие в утверждении на трон нового императора, выявление механизмов передачи власти, осуществляется с применением историко-генетического и историко-сравнительного методов, позволяющих проследить корни изучаемого явления, с экскурсом в период принципата, а также сравнить политические процессы разных периодов римской истории, проанализировать их динамику, дифференцировать с учетом новых политических реалий изучаемой эпохи.

Результаты и их обсуждение

Следует заметить, что позднеантичному обществу в наследство от периода принципата перешло отсутствие четко определенной модели передачи и принятия власти в силу того, что на протяжении римской истории проявлялись различные принципы передачи власти: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими кандидата на роль императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором «извне» – варварскими королями, или же «изнутри» – могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии.

Какой из этих принципов преобладающий – вопрос дискуссионный. Так, для Т. Моммзена период домината является временем господства династического принципа легитимации императорской власти [Mommsen, 1992. S. 432]. При этом в современной историографии тезис об абсолютистском характере Поздней Римской империи пересматривается, исключается и господство династизма в механизме передачи императорской власти [Schlinkert, 1996. S. 456–457].

Одной из существенных проблем римской политической системы было то, что уже в самом основании империи при Октавиане Августе не сложился единый принцип передачи власти по наследству. Это связано во многом с быстрой смертью возможных претендентов-наследников из числа родственников Августа. В конечном итоге Октавиан Август передал власть своему родственнику Тиберию. Но Тиберий приходился императору пасынком, и его крови в жилах новоизбранного императора не было. В дальнейшем принцип усыновления при передаче власти довольно часто встречается в римской политике. Так или иначе, на протяжении всего I в. н. э. империей управляли потомки Октавиана Августа.

Анализ примеров переходных периодов после смерти одного императора и утверждения нового привел исследователя Э. Флайга к выводу о том, что в римском государстве не утвердился династический принцип, так как не было единого принципа передачи власти по наследству [Flaig, 1997. S. 33]. В то же время в конечном периоде существования Западной Римской империи династия Валентиниана и Феодосия продержалась у власти, с перерывом на полтора года, 91 год, что делает вывод Э. Флайга спорным. Стоит отметить, что немалая часть исследователей все же склоняется к доминирующей роли принципа династизма в римской политике, даже если этот принцип открыто не декларировался [Jones, 1964. P. 322–329; Demandt, 1989. S. 215]. Как указывает П. Хизер, «Система наследования обычно основывалась на династическом принципе, но лишь в том случае, если существовал подходящий наследник, такой, который мог опереться на всеобщее согласие» [Хизер, 2019, с. 398].

Особое внимание стоит уделить тому, что, начиная с Октавиана Августа, римская политическая система ранней империи была устроена довольно сложно. Так, император, при всем его могуществе и обширности власти, был ограничен сенатом. По крайней мере, теоретически в системе принципата фактор сената был существенен: считалось, что сенат будет избирать императора. Ранняя символика империи представляет императора как верховного гражданского магистрата, правящего совместно с сенатом, совмещая в себе прежде независимые республиканские должности [Уильямс, 2014, с. 154]. Император должен был соблюдать закон. Сама концепция политической власти в Риме происходила из концепции судебной власти. Сначала римляне стали магистратами, а потом уже военачальниками и императорами. Несмотря на то, что сенат был лишен исполнительной власти, вплоть до падения Западной Римской империи он обладал правом последней оценки правления императора, когда тот скончался. «Плохие» императоры предавались «*damnatio memoriae*», «проклятию памяти», его имя удалялось со всех материальных объектов. Эдикты, изданные при правлении такого императора, отменялись. Как отмечает А.Х.М. Джонс, философская позиция сената не разделяла принцип передачи власти по наследству [Jones, 1964. P. 22]. Согласно позиции аристократии, императором должен быть лучший человек в государстве – старший сенатор, т. к. дети императоров далеко не всегда пригодны к управлению государством. Изредка кандидат от сената получал императорский трон, например, Нерва в 96 году. Или же назначение сенаторов Бальбина и Пупиена августами во время восстания Гордианов. Роль сената при всей ее незначительности постоянно подчеркивалась. Так, во время признания императором Эмилиана сенат не присвоил ему консульские полномочия из-за его не сенаторского происхождения. Вителлию пришлось согласиться на отчет своего правления с 19 апреля 69 г. н. э., когда его признал сенат, а не со 2 января 69 г. н. э., когда армия провозгласила его императором. На монетах императоров подчеркивалась «воля сената» – «*Providentia Senatus*», и т. д.

В римском политическом сознании присутствовала твердая идея, что институт частного и гражданского права, статуса и прав личности более значим и более древний по своему происхождению, нежели институт политической власти. Поэтому и эдикты, изданные императором, накладываются на корпус гражданского права, но и должны ему соответствовать [Уильямс, 2014, с. 199]. В эдикте V века прямо указывается, что «Истина в том, что наша власть зависит от власти закона. Власть, подчиненная закону, значит больше,

чем просто власть императора» (CJ, I, 14, 4). То есть в менталитете римского общества власть императора ограничена властью закона. Это и отличает римскую цивилизацию от стран восточных деспотий.

Однако дальнейшая история покажет, что не столько сенат и закон, сколько факт поддержки армией будет являться основным при утверждении императора на престол. Армейский фактор во многом определил превалирование династического принципа избрания императора, так как солдаты были заинтересованы в передаче власти по наследству в силу того, что смена императора могла отразиться на их жаловании. Стабильность власти одной династии обеспечивала уверенность в получении ряда материальных благ, в том числе и «премий»-донативов. При этом для солдата принадлежность к правящему дому была не пустым звуком. Наиболее яркий пример – апеллирование узурпатора Прокопия к царственной крови (Прокопий был родственником императора Юлиана). Аммиан Марцеллин дословно передает речь Прокопия перед солдатами: «Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не за тем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков» (Amm. Marc. XXVI. 7, 16). То есть даже незаконные претенденты, узурпаторы старались подчеркнуть свою принадлежность к правящей династии. Это говорит лишь о важности в глазах римского общества преемственности власти в рамках императорской семьи.

Можно на это возразить, что лишь после Константина Великого следует говорить об утверждении модели кровнородственного династизма, ведь династия Константина держалась еще 26 лет после его смерти [Миролюбов, 2021, с. 33]. Однако примеров сторонников кровнородственного династизма довольно много и в период принципата. Можно назвать Веспасиана, Марка Аврелия, Септимия Севера, которые стремились передать власть по кровнородственной линии. В период «кризиса III века» успешные узурпаторы и претенденты на престол также стремились реализовать династический принцип. Например, Филипп Араб, ставший соправителем Гордиана, стремительно ввел в римскую политику своего сына, жену и обожествил своего отца – по традиции, заложенной еще во времена Октавиана Августа.

Интересным является факт, что начиная с III века императоры могли происходить из различных социальных слоев имперского общества. Любые, даже зачастую подложные связи с правящей императорской династией считались основанием для притязания на власть [Голдсуорти, 2014, с. 653]. Так многие императоры принадлежали к сословию всадников, а практически сто процентов кандидатов в императоры были армейскими офицерами или выходцами из среды имперских чиновников.

Однако принадлежность к императорской семье вовсе не гарантировала успешное восхождение на императорский престол. В отличие от средневековых царств, где принадлежность к королевской семье была важнейшим требованием наследования трона, Рим и Византия никогда полностью не расставались с традицией «военных выборов», несмотря на попытки Диоклетиана ослабить их. Никто не мог быть спокоен, надеясь на «божественное право наследования». Армия III века требовала права самой выбрать императора. «Fides militum», «Concordia militum» (доверие воинов, согласие воинов) стали в полном смысле свидетельствами законности императора [Уильямс, 2014, с. 154]. Если часть армии возвышала собственного претендента на престол и он побеждал императора, то автоматически становился де-факто и де-юре им, и гражданское чиновничество с чистой совестью переносило лояльность на него. Так, еще в 68 г. н. э. Гальба стал первым императором, который получил власть из рук своих легионеров. В дальнейшем это явление, более характерное для III века, стало ослабевать, и уже в IV–V вв. армия сохраняла по большей части церемониальную роль при выборе императора. Возврата к военной анархии уже не было.

Рассказ о подобной церемонии содержится в трудах Аммиана Марцеллина: «Когда он (Юлиан) появился в назначенный заранее день, созваны были все войска, император взошел на высокий трибунал, окруженный орлами и знаменами, и, держа Юлиана правой

рукой, произнес такую речь милостивым тоном: «Я хочу предоставить власть Цезаря Юлиану, моему, как вы знаете, двоюродному брату... Свое желание сделать его соправителем я ставлю в зависимость от вашего согласия, если вы считаете это полезным для отечества... Итак, я облеку его в императорское одеяние, уверенный в видимом указании перста Божия» (Amm. Marc. XXVI. 7, 16).

Особняком в механизмах передачи политической власти императора стоит тетрархическая модель Диоклетиана. Система Диоклетиана была попыткой разрыва с системой принципата, где император трактовался как первый в сенате и первый гражданин, пользующийся высшим авторитетом – «auctoritas». Авторитарные тенденции прослеживались задолго до Диоклетиана и были присущим императорам династии Антонинов, особенно после нее, со времени Септимия Севера, а также императорам-иллирийцам (например, Аврелиану), но именно Диоклетиан открыто порвал со старой конституционной традицией. Политическая система домината была близка, по своей сути, к неограниченным монархиям, для которых подданные вне зависимости от их социального статуса были одинаковы перед абсолютным властелином – императором. Попасть в число *admissionales*, тех, кто имел право регулярного доступа к священной персоне императора, было знаком высокого положения. В панегирике 290 г. говорится: «это как бы укрытое во внутренних священных покоях поклонение поразило души лишь тех, кому их положение давало право доступа к Вам» (Pan. Lat. 11. 3, 2). Видимо, на мировоззрении Диоклетиана и последующих императоров активно сказывалось влияние царского двора Сасанидов.

Механизм кооптации во власть лучших, выбор кандидата «по заслугам», назначения преемника не из своего рода впервые наметил император Гальба (Tac. Hist. I. 15). Впоследствии император Нерва также осуществил принцип передачи трона по способностям. При этом сам принцип наследования трона не отменялся, но после Нервы вплоть до конца эпохи принципата многие императоры были бездетными или их дети умирали раньше своих отцов. Присутствовал в политической практике Рима и опыт соправительства. Так, Марк Аврелий и Луций Вер правили вместе. Обычно передача власти осуществлялась через усыновления и присвоения наследнику титула «цезарь», что автоматически обозначало принадлежность к императорскому роду (Cass. Dio. LIII. 18) То есть цезарь, или кесарь, – титул, который со времени императора Адриана (117–138 гг. н. э.) давал элементы соправительства наследникам престола до времени правления Диоклетиана.

Можно сказать, что способы введения во власть через усыновление были вполне отработаны. Но заслуга Диоклетиана состоит в создании принципиально новой модели, тетрархии – правлении четырех, четверовластии. Суть модели – разделение империи на четыре зоны контроля под управлением двух «старших» августов и двух «младших» цезарей при сохранении единства империи. Был предусмотрен и механизм смены власти – одновременного отречения двух августов с передачей власти цезарям, наречение цезарей августами и выбор двух новых цезарей. При этом вышедшие в «отставку» августы сохраняли свое положение при дворе в качестве «кураторов», поддерживающих модель тетрархии. Основной причиной выбора такой модели была необходимость защиты обширных границ империи одновременно в разных местах при сохранении единства власти [Уильямс, 2014, с. 136].

Однако даже в модели Диоклетиана не удалось полностью отойти от кровнородственного принципа наследования. Как отмечал Ф. Кольб, «Диоклетиан на место кровнодинастического принципа установил в некотором смысле административно-династический» [Kolb, 2001. S. 30]. Развивая свою мысль, Кольб указывает на то, что Максимиан – в будущем август-соправитель Диоклетиана – практически сразу же был усыновлен последним и принял имя Валерий. Пропаганда этого времени постоянно подчеркивала «родство» Диоклетиана и Максимиана, называя их «fratres», братьями (Pan. Lat. X. 11, 1; Ibid. 13, 1–3; Ibid. XI. 6, 3; Lact. De mort. pers. 8. 1). Немаловажным был и акцент на равенство положения августов (Pan. Lat. X. 9, 4–5; Ibid. XI. 6, 7; Ibid. XI. 7, 6–7). Новаторской идеей было выражение «родства» императоров через отождествление Диоклетиана с Юпитером, а Максимиана с Герку-

лесом. Также «родство» обеспечивалось не столько общим божественным происхождением, сколько заслуженными доблестями августов: «Вас военные лагеря... сражения... равные победы сделали братьями (Pan. Lat. XI. 7, 6; Ibid. X. 9, 3).

Диоклетиан при этом подразумевался как «*augur imperii*», что подчеркивало его старшинство как Иовия (Ibid. X. 4.1–2; 7.6), но именно идея братства императоров была лейтмотивом тетрархии. Неслучайно, что даже император-узурпатор Караузий стремился в поисках легитимности своей власти стать также «братом» императорам-соправителям, что явно выражено на его монетах (PAX AVGGG; CARAVSIVS ET FRATRES SVI) [Carson G., 1959, с. 33–34].

Еще одним аргументом в пользу значительного присутствия кровнородственного элемента в характере тетрархии является то, что цезари Галерий и Констанций Хлор были включены в систему не только посредством титулов, но и браков с дочерьми августов. Так, Констанций Хлор взял в жены дочь Максимиана Феодору, а Галерий – дочь Диоклетиана Валерию. Цезарям ради того, чтобы породниться с правящими августами, пришлось развестись со своими прежними женами. В итоге панегиристы того времени изображали тетрархов как одну семью (Pan. Lat. VIII. 1, 3).

Однако даже такая искусственная модель, как тетрархия, не обделенная принципом кровнородственного династизма, не смогла существовать в том идеальном виде, в котором ее задумал Диоклетиан. Так, уже в 305 году Галерий нарушил меритократический принцип, назначив цезарем своего родственника Максимиана Дазу (Aurel. Vic. De caes. 40.1). После отречения Диоклетиана и Максимиана в 305 году система тетрархии начала трещать по швам: буквально на следующий год происходит две узурпации Константина и Максенция, основанные на династических принципах. Максенций был сыном ушедшего на покой августа Максимиана, и не получив титул цезаря, остался не включен в систему тетрархии (Zos. Hist. II. 9, 1–2). Константина же провозгласила армия его покойного отца Констанция, находившаяся в Британии (Lact. De mort. 24. 8; ср. Pan. Lat. VII. 5, 3; VI. 7, 4; Euseb. HE. VIII. 13, 12). Тетрархия Диоклетиана работала вполне эффективно, пока тот был во главе власти, но после его отречения в 305 г. она распалась, и началась затяжная гражданская война, закончившаяся лишь поражением Лициния в 324 году [Хизер, 2019, с. 207].

Таким образом, происходит постепенный откат от принципа кооптации во власть к древнему принципу кровнородственной передачи власти, который снова утверждается с приходом к власти Константина Великого, предоставившего цезарат своим сыновьям (PLRE. Vol. I, p. 233; Aurel. Vic De caes., 41. 10).

Стоит сказать, что, начиная с династии Константина и вплоть до падения Западной Римской империи, императоры династии Валентиниана и династии Феодосия придерживались кровнородственного принципа передачи власти. Более того, появлявшиеся узурпаторы также стремились передать власть по наследству, назначая цезарями своих сыновей (например, Константин III). Проблема наследования трона была решена. Верность династии вновь перевесила искусственные узы, созданные тетрархией [Уильямс, 2014, с. 292].

Во второй половине IV века для Римской империи вплоть до ее раздела в 395 г. на Западную и Восточную характерно парное управление империей – членами одной императорской фамилии. Так правили, например, Констанций и Констант (Галл, Юлиан); позже – Валентиниан и Валент, Грациан и Феодосий.

В V в. идея парного правления была также реализована, но уже в виде двух суверенных правителей различными частями империи при сохранении общего законодательства, принадлежности (в идеале) к одному императорскому дому и общей легитимности империи. Однако общая слабость империи этого периода приводила к тому, что периоды политической стабильности протяженностью в одно или даже два десятилетия могли иметь место, однако обнаруживали тенденцию к тому, чтобы пересекаться периодами жестокой борьбы, зачастую перераставшей в гражданскую войну [Хизер, 2019, с. 701].

В последние 70–80 лет существования Западной Римской империи получил реализацию принцип назначения императора варварскими королями или могущественными патрициями и *magister militum*. Большую часть V века на императорском престоле находились слабые и нерешительные правители, подростки, попадавшие под влияние военачальников и чиновников, зачастую варварского происхождения. С разграблением Рима Аларихом в 410 году произошло падение легитимности императорской власти Рима, и ее влияние стремительно падает, особенно на окраинах империи. К середине века любой вождь, обладавший достаточным влиянием и богатством, чтобы урвать себе территорию и основать королевство, уже не оглядывался на Рим [Snyder, 1998, p. 81–127]. За 21 год до падения Западной Римской империи ею правили девять более менее легитимных императоров, шесть из которых закончили жизнь насильственной смертью.

В это время военачальники *magister militum* добиваются титулов патриция, женят своих детей на представителях императорского рода, свергают и возводят императоров по своему усмотрению. Когда император Валентиниан II попытался лишить военачальника Арбогаста титула *magister militum*, Арбогаст спокойно ответил, что у него нет на это власти [Голдсуорти, 2014, с. 422]. Вскоре Арбогаст провозгласил августом Флавия Евгения, а Валентиниана II нашли мертвым.

Magister militum Кастин привел к власти примицерия нотариев Иоанна, который принял титул августа после смерти Гонория в 423 году. Стоит отметить, что теперь положение императоров во многом зависело от поддержки варваров. Так, Аэций, будущий фактический правитель Западной Римской империи, во время узурпации Иоанна отправился за поддержкой гуннов, заложником которых он был в молодости и имел с ними обширные связи [Томпсон, 2021, с. 54]. По отзыву Прокопия (*Proc. Bell. Vand.*, I. 3, 5–9), это был спокойный, разумный, справедливый человек, хотя он и являлся узурпатором, «тираном».

Здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом позднеантичной политической системы – могущественные военачальники более не стремились к обладанию императорской властью, а руководили империей посредством марионеточных императоров. Это объясняется отчасти тем, что многие военачальники были варварского или полуварварского происхождения.

Так, например, Рицимер на протяжении 15 лет возводил и свергал императоров, несмотря на то, что далеко не всех его кандидатов признавал Константинополь. В частности, после свержения Майориана, новый император Либий Север не получил одобрения Восточной Римской империи [Bury, 1958, p. 330–332.]. Подобным же образом от претензий на императорскую власть отказался военачальник Бонифаций, а позже – Орест, отец последнего римского императора Ромула Августа.

Фактором политической жизни V века являлось и назначение римского императора варварским королем. В 409 году готский вождь Аларих выдвигает на императорский трон Приска Аттала, который при этом был язычником, вследствие чего его срочно пришлось крестить [Голдсуорти, 2014, с. 480]. Для утверждения своих претензий и легитимности в глазах общества в разговорах Приск Аттал допускал мысль об изуродовании Гонория, законного императора, после его низложения, чтобы он более не годился на роль правителя (*Zos. Hist.* VI. 8). Сам Аларих добился от Приска Аттала титула *magister militum* и поддерживал его исключительно в своих интересах (*Olymp. Hist.* 3. 2). Позже это звание было утверждено уже Гонорием.

Еще одним примером служит «воцарение» Авита. Так, посол Авит находился в Тулузе, когда пришло известие о гибели императора Петрония. Посол тут же убедил готов и был провозглашен императором в 455 году. Стоит отметить, что Константинополь не признал Авита законным императором [Barnwell. 1992, p. 61–62]. После свержения Авита был шестимесячный период, во время которого в Западной Римской империи не было императора. По закону Марциан, император Восточной Римской империи, был единственным правителем на время отсутствия августа в Риме, и монеты с его именем выпускались на Западе империи.

Определенное место в политической реальности занимал и принцип передачи императорской власти посредством заключения брака с представительницами императорского дома. Так, когда не оставалось мужчин-наследников, женщины императорской семьи могли передавать наследственные права династии людям, не имеющим отношения к императорской семье, выйдя за них замуж. Например, в Восточной Римской империи положение Марциана было укреплено браком с Пульхерией, последней представительницей рода Феодосия, а Анастасия – союзом с Ариадной, дочерью Льва и вдовой Зенона [Jones, 1964, p. 124].

Учитывая все вышеуказанные проблемы и в связи с отсутствием единого принципа передачи власти, большую роль в римском политическом сознании занимала идея «легитимности» власти императора. Тема легитимности императорской власти выходит за рамки данной статьи, однако отметим, что императоры уделяли очень существенное внимание легитимационным процедурам при восшествии на престол, (Szidat, 1989, S. 175–188), т. к. обоснование законности власти имело исключительно важное значение при борьбе с возможными претендентами на трон.

Заключение

В сущности, всю историю Римской империи существовала неразрешимая дилемма организации и передачи императорской власти. Постоянные узурпации и гражданские войны вынуждали императоров делегировать и распределять властные полномочия на территории обширной империи, а также обеспечивать надежный механизм передачи и преемственности власти. Существовало несколько вариантов: 1) династическая передача власти по кровнородственной модели; 2) соправительство; 3) кооптация во власть по принципу личных заслуг, «выбор лучших»; 4) выбор и утверждение императора сенатом (кандидат сената); 5) восстание и мятеж отдельных легионов и воинских соединений и выдвижение ими кандидата на роль императора, узурпация власти; 6) усыновление; 7) назначение императором «извне» – варварскими королями, или же «изнутри» – могущественным *magister militum* или патрицием; 8) брак с представительницей императорской фамилии. Однако разделение власти в империи между соправителями было делом чрезвычайно сложным. Даже если удавалось разрешить проблему для одного поколения, уже следующее поколение правителей, как правило, не могло унаследовать гармонию предыдущих лет. В связи с этим каждое поколение заново организовывало разделение власти даже в тех случаях, когда власть передавалась по наследству.

Императоры старались гарантировать своим сыновьям право наследования трона, включая их в политическую элиту и провозглашая наследниками еще при своей жизни. Схема Диоклетиана, согласно которой два августа должны были отречься вместе, одновременно провозглашая при этом августами своих цезарей и назначив двух новых цезарей, очень быстро потерпела крах, т. к. не учитывала законов кровного родства. И уже Константин вернулся к принципу наследственности и передал императорскую власть своим сыновьям и племяннику.

В итоге кровнородственный принцип передачи власти оказался наиболее близким и понятным римскому обществу. При наличии различных механизмов передачи власти, часть из которых мы рассмотрели, именно модель передачи власти от отца к сыну или, по крайней мере, в рамках одной императорской семьи была наиболее стабильной. Интересен факт, что в Восточной Римской Империи, Византии, начиная с Константина V в VIII в. кровнородственный принцип передачи власти был закреплен на законодательном уровне – только «*prophrogennetos*», «порфиророжденные» будут считаться законными правителями в Византии. Также данная модель передачи власти характерна и для раннефеодальных королевств, утвердившихся на территории Западной Римской империи после ее распада.

Согласно римским политическим традициям, август мог назначить равного себе по положению августа или цезаря. Пока был жив хоть один из членов императорской коали-

ции, второй император не мог назначать нового цезаря или августа без его согласия. Согласно старой традиции, берущей начало еще в эпоху принципата, если в живых не оставалось ни одного императора, то назначались выборы. Избирателями могли быть сенат и народ. В III веке главным политическим фактором становится армия. С IV века право выбирать имел только «дворец» и «министры», чей выбор формально утверждался голосованием сената и признанием армии. Очень часто император являлся кандидатом какого-либо могущественного государственного деятеля.

В последние десятилетия Западной Римской империи престиж императорской власти – по крайней мере, в глазах военных руководителей, – пал достаточно низко, что отчетливо видно на примере Кастина, Арбогаста, Рицимера и Ореста, а также Бонифация, отказавшегося от звания императора в свои мятежные дни в Африке. Быть императором, августом, стало невыгодно, т. к. августы V века практически не обладали полнотой власти. Находясь в тени, военачальники были настоящими «серыми кардиналами» римской политики, используя императоров лишь как инструмент достижения своих целей.

Таким образом, императорская власть, к которой на протяжении всей римской имперской истории стремились всевозможные кандидаты на трон, мятежные военачальники, узурпаторы, в конечном итоге потеряла свою ценность.

Список литературы

- Аврелий Виктор. 1961. *Sextus Aurelius Victor. Liber De Caesaribus*. Rec. F. Pichlmayer. Leipzig. 210.
- Аммиан Марцеллин. 1786. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI supersunt libri XVIII ad optimas editiones collati praemittitur notitia literaria: Accedunt ind. Studiis Soc. Vipontinae. – Viponti [Zweibrücken]*. 358.
- Гай Аноним. 2019. После Рима. 192–430 по Рождеству. От «солдатских императоров» до Карла Великого. *Acta Diurna*. 312.
- Глушанин Е.П., Корнева И.В. 2007. Представления о легитимности императорской власти в IV веке. Война и мир в истории Европы: сборник научных статей памяти профессора Е.П. Глушанина. Барнаул. Изд-во Алтайского ун-та, 35–43.
- Голдсуорти А. 2014. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи. М., АСТ. 733.
- Зосим. 1887. *Zosimus. Historia nova*. Ed. L. Mendelsohn. Lips., 1887. 367.
- Олимпиодор. 1870. *Olympiodorus. Fragmenta, Historici Graeci minores, Vol I*. Ed. by L.A. Dindorf. Lips. 204–274.
- Томпсон Э. 2021. Гунны. Грозные воины степей. Пер. Л.А. Игоревского. М., Центрполиграф. 256.
- Уильям С. 2014. Диоклетиан: реставратор Римской империи. Перевод И.И. Хазановой. СПб., Евразия. 369.
- Хизер П. 2011. Падение римской империи. М., АСТ. Астрель. 795.
- Хизер П. 2016. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы. М., Центрполиграф. 830.
- Barnwell P. 1993. *Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395–565*. Chapel Hill. 256.
- Bury J. 1923. *History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. I. 542.
- Carson G. 1959. The mints and coinage of Carausius and Allectus. *JBAA*. Vol. XXII: 33–40.
- Cornelii Taciti Annalium*. 1904. Ed. K. Nipperdey. Berlin. 278.
- Demandt A. 1989. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München, 612.
- Eusebius. 1867. *Pamphili Caesariensis. Rec. G. Dindorfius. – Lipsiae: B.G. Teubneri*. 729.
- Flaig E. 1997. Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation in Spät Römischem Reich. *Usurpationen in der Spätantike*. Stuttgart: 15–34.
- In Praise of Later Roman Emperors: the Panegyrici Latini* 1994. Introduction, Translation and Historical Commentary by C.E.V. Nixon and B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 744.
- Jones A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire. A Social, Economic and Administrative Survey, 284–602*. Vol. 1. Oxford. 786.
- Kolb F. 2001. *Herrscherideologie in der Spätantike*. B. 416–417.

- Krüger P. 1874. *Codicis Iustiniani Fragmenta Veronensia*. 84.
- Lactantius. *Opera omnia*. P.1844. *Patrologiae cursus completus*. Ed. J.-P. Migne. Series latina. T. 6–7. 151.
- Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus. 1863. *Historia Romana*. L. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 427.
- Mommsen Th. *Römische Kaisergeschichte*. hrgb. von B. und A. Demandt. München, 1992. 432.
- Procopii. 1905 *Caesariensis Opus Omnia*. V. 1–2. Rec. J. Hauru-Lipsiae: B.G. Teubneri. 552.
- Schlinkert D. *Vom Haus zum Hof. Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike*. *Klio*. 78. 1996. 2: 446–457.
- Snyder C. 1998. *An Age of Tyrants: Britain and the Britons A.D. 400–600*. University Park. 320.
- Szidat J. 1989. *Imperator legitime declaratus (Ammian 30, 10, 5)*. *Historia testis: Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne, et de philologie offert T. Zawadski*. Fribourg: 175–188.
- The Prosopography of the Later Roman Empire*. 1971. A.H.M. Jones. 1204.

References

- Avreliy Viktor. 1961. *Sextus Aurelius Victor. Liber De Caesaribus*. Rec. F. Pichlmayer. Leipzig. 210.
- Ammian Martsellin. 1786. *Ammiani Marcellini Rerum gestarum qui de XXXI supersunt libri XVIII ad optimas editiones collati praemittitur notitia literar-ia: Accedunt ind. Studiis Soc. Bipontinae. – Biponti [Zweibrücken]*. 358.
- Gay Anonim. 2019. *Posle Rima. 192–430 po Rozhdestvu. Ot «soldatskikh imperatorov» do Karla Velikogo*. *Acta Diurna*. 312.
- Glushanin E. P., Korneva I. V. 2007. *Predstavleniya o legitimnosti imperatorskoy vlasti v IV veke [Ideas about the legitimacy of imperial power in the IV century]*. *Voyna i mir v istorii Evropy [War and peace in the history of Europe]: sbornik nauchnykh statey pamyati professora E.P. Glushanina*. Barnaul. *Izd-vo Altayskogo un-ta*, 35–43 (in Russian).
- Goldsuorti A. 2014. *Padeniye Zapada. Medlennaya smert Rimskoy imperii [The Fall of the West: The Slow Death of the Roman Superpower]*. Moscow AST, 733 (in Russian).
- Zosim. 1887. *Zosimus. Historia nova*. Ed. L. Mendelsohn. Lips., 1887. 367.
- Olimpiodor. 1870. *Olympiodorus. Fragmenta, Historici Graeci minores, Vol I*. Ed. by L.A. Dindorf. Lips. 204–274.
- Tompson E. 2021. *Gunny. Groznye voyny stepey [Huns. Terrible warriors of the steppes]*. Per. L.A. Igorevskogo. M., Tsentrpoligraf. 256 (in Russian).
- Uil'yam S. 2014. *Diokletian: restavrador Rimskoy imperii [Diocletian: Restorer of the Roman Empire]*. *Perevod I.I. Khazanovoy*. SPb., Evraziya. 369 (in Russian).
- Khizer P. 2011. *Padeniye rimskoy imperii [The Fall of the Roman Empire]*. Moscow. AST. Astrel, 795 (in Russian).
- Khizer P. 2016. *Velikiye zavoyevaniya varvarov. Padeniye Rima i rozhdeniye Evropy [Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe]*. Moscow. Tsentrpoligraf: 830 (in Russian).
- Barnwell P. 1993. *Emperors, Prefects and Kings: The Roman West, 395–565*. Chapel Hill. 256.
- Bury J. 1923. *History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565)*. Vol. I. 542.
- Carson G. 1959. *The mints and coinage of Carausius and Allectus*. *JBAA*. Vol. XXII: 33–40.
- Cornelii Taciti Annalium*. 1904. Ed. K. Nipperdey. Berlin. 278.
- Demandt A. 1989. *Die Spätantike. Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München, 612.
- Eusebius. 1867. *Pamphili Caesariensis*. Rec. G. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 729.
- Flaig E. 1997. *Für eine Konzeptionalisierung der Usurpation in Spätromischen Reich. Usurpationen in der Spätantike*. Stuttgart: 15–34.
- In Praise of Later Roman Emperors: the Panegyrici Latini 1994*. Introduction, Translation and Historical Commentary by C.E.V. Nixon and B.S. Rodgers. Berkeley, Los Angeles, Oxford. 744.
- Jones A. H. M. 1964. *The Later Roman Empire. A Social, Economic and Administrative Survey, 284–602*. Vol 1. Oxford. 786.
- Kolb F. 2001. *Herrscherideologie in der Spätantike*. B. 416–417.
- Krüger P. 1874. *Codicis Iustiniani Fragmenta Veronensia*. 84.

- Lactantius. Opera omnia. P.1844. Patrologiae cursus completus. Ed. J.-P. Migne. Series latina. T. 6–7. 151.
- Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus. 1863. Historia Romana. L. Dindorfii. – Lipsiae: B.G. Teubneri. 427.
- Mommsen Th. Römische Kaisergeschichte. hrgb. von B. und A. Demandt. München, 1992. 432.
- Procopii. 1905 Caesariensis Opus Omnia. V. 1–2. Rec. J. Hauru-Lipsiae: B.G. Teubneri. 552.
- Schlinkert D. Vom Haus zum Hof. Aspekte höfischer Herrschaft in der Spätantike. Klio. 78. 1996. 2: 446–457.
- Snyder C. 1998. An Age of Tyrants: Britain and the Britons A.D. 400–600. University Park. 320.
- Szidat J. 1989. Imperator legitime declaratus (Ammian 30, 10, 5). Historia testis: Mélanges d'épigraphie, d'histoire ancienne, et de philologie offert T. Zawadski. Fribourg: 175–188.
- The Prosopography of the Later Roman Empire. 1971. A.H.M. Jones. 1204.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.12.2022

Received 16.12.2022

Поступила после рецензирования 10.03.2023

Revised 10.03.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Accepted 10.03.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гудков Никита Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita A. Gudkov, Postgraduate Student of the Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-4003-5171](https://orcid.org/0009-0002-4003-5171)